

Неизвестный автор

**Журнал "Свет над
Байкалом"**

№ 5, 1957

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н45

Н45 **Неизвестный автор**
Журнал "Свет над Байкалом": № 5, 1957 / Неизвестный автор – М.: Книга по Требованию, 2019. – 160 с.

ISBN 978-5-458-66347-2

Журнал "Свет над Байкалом" - литературно-художественный и общественно-политический, выходящий с периодичностью 6 раз в год. На его страницах формировалась бурятская литература. лучшие свои годы «Байкал» слыл одним из популярнейших сибирских журналов и расхвалился в тридцати с лишним странах дальнего зарубежья от Америки до Австралии и Новой Зеландии.

ISBN 978-5-458-66347-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ных сооружать такие приборы, которые позволяют слушать весь мир— радио, понимаешь, Шампи,— радио.

Проводник смотрит в горящие глаза своего необычайного начальника и торопится подбросить смолистых дров в костер, чтобы при свете его смотреть и смотреть в глаза этой женщины, чье имя потом станет славой советской геологической науки и облетит весь мир. Ей, геологу Марии Васильевне Бесовой, суждено будет подарить Родине бурят-монгольский вольфрам и молибден.

Она уходит в палатку. Шампи остается у костра и смотрит в угасающие угли и переводит свой взгляд на туманно-синие очертания горы Холтосон. Это он, Шампи, охотник джидинской тайги, привел сюда русского геолога Марию Васильевну Бесову. Шампи видел, давно видел здесь тот глянцевый теплый металл, что держала минуту назад Мария Васильевна. Старый следопыт верит Бесовой— здесь, в сердце горы Холтосон, они найдут для Родины несметные клады.

Проводник снова берет лимбу. Он будет играть и пусть русская женщина Мария Васильевна Бесова спокойно спит под добрую и нежную песню лимбы и пусть ей снятся сны, которые скоро-скоро станут явью.

...Летом 1932 года русская женщина геолог Мария Васильевна Бесова и охотник-проводник бурят Шампи открыли в джидинской тайге, на горе Холтосон, промышленные залежи вольфрама и молибдена.

Марии Васильевне Бесовой было присвоено почетное звание лауреата Сталинской премии, ее верный помощник Шампи до конца своей славной и героической жизни получал правительственную пенсию.

С тех пор прошло более четверти века. В долине, у подножия горы Холтосон, вырос город с ласково скромным названием—Городок. В тайге, по-прежнему суровой и своенравной, появились рудники: Холтосон, Инкур, Первомайский, Баянгол. Без малого к самым облакам проложены автомобильные дороги, они выются по тем следам, где некогда шли Мария Васильевна Бесова с проводником Шампи. Тайга отступила.

Народ прислал сюда своих смелых создателей. Партия воодушевила их на великие подвиги труда, отечественная промышленность вооружила их совершенной техникой.

...Вершина горы Холтосон становится все доступнее, ближе, зато из окна кабины все уменьшаются и уменьшаются очертания города и дома превращаются в спичечные коробки.

Висят над тайгой облака. Нет, нет да и прорвется сквозь их перистую толщу купное осеннее солнце. Облака ничего хорошего не предвещают. Но капризы природы здесь никого не пугают. Дождь мгновенно переходит в ливень, ливень даже в июле сменяется снегопадом, а через час благородное горное солнце поднимет с земли незримые потоки влаги, и леса в окрест задыхаются туманами.

Вот и сейчас, когда мы завершаем свой путь, возле конторы рудника Холтосон неожиданно сгустившиеся тучи обрушивают на землю потоки дождя. Десять-пятнадцать минут, и дождь прекратился.

Мы очень высоко, так высоко, что туман, слово бессильный подняться до вершины горы, плывет чуть пониже окна скромной конторы рудника.

Не здесь ли стояла двадцать пять лет назад палатка Марии Васильевны Бесовой и славного проводника ее и друга Шампи?

Мы вспомнили события минувших лет в связи с тем, что в августе этого года здесь, на руднике Холтосон, познакомились с единоплеменником друга и помощника Марии Васильевны Бесовой— первооткрывателя бурят-монгольского вольфрама.

Начальник рудника Леонид Виссарионович Пичугин представил нам молодого, подвижного бурята с очень живым и умным взглядом. Наш новый знакомый отрекормовывался:

— Сменный мастер Цыден Эрдынеевич Лодоев. Он — потомок баргузинских охотников и скотоводов. В родном колхозе имени Карла Маркса прошло его детство и юность. Там он окончил семилетку, отсюда ушел служить в армию, а на Джидинском вольфрамомолибденовом комбинате получил профессию горняка. Русский рабочий Андрей Евграфович Морозов вначале сделал из Лодоева отличного крепильщика, а затем Цыдена Эрдынеевича послали в Свердловск на курсы горных мастеров. И вот он уже четыре года работает на шахте Инкур горным мастером. Старый горняк Андрей Иванович Морозов гордится своим учеником и ныне, работая под началом его, удивляется силе его характера, умению работать с людьми, организовывать их борьбу за план.

Цыден Эрдынеевич Лодоев коммунист, он возглавляет партийную организацию на шахте, избран депутатом поселкового Совета. У него много братьев и сестер. Шагдур — тридцатитысячник — председатель колхоза в Оке, Гомбо тоже коммунист и руководит в родном хозяйстве овце-товарной фермой, там же работают сестры Жигжима, Иля, Намгалма, Эрнима. Старшая в семье Дышигма — бухгалтер колхоза.

Цыден часто сообщает о своей жизни братьям и сестрам, интересуется колхозными новостями. Мы спросили Лодоева, о чем он писал в родной колхоз в своем последнем письме? Наш собеседник улыбнулся и очень коротко ответил: «Великий праздник настает, понимаете?».

Кто же не поймет сердце молодого патриота? Цыден Эрдынеевич Лодоев влюблен в свою профессию. А ведь это самое дорогое в жизни — любить свой труд. Отсюда рождаются истоки неисчислимых творческих сил советских труженников. Во имя блага Родины и народа люди самых различных профессий, возвращенные Октябрем, творят чудеса трудового героизма.

Не легок труд горняка, но для сильных и смелых духом нет преград, и их не страшит ни суровый и своенравный климат Хамар-Дабана, ни трудности подземной работы.

Баргузинский бурят Лодоев стал не только членом горняцкой семьи, он стал одним из умелых и волевых организаторов производства по добыче цветных металлов. Цыден Эрдынеевич руководит двумя комплексными бригадами, одновременно возглавляя работу двух горных мастеров.

Лодоев в совершенстве изучил все профессии горняка. Он был бурильщиком, взрывником, проходчиком. Вот почему с таким особым уважением относятся к своему сменному мастеру рабочие, бригадиры, горные мастера.

Будучи сам мастером на все руки в своей профессии, Лодоев внушил горнякам необходимость осваивать смежные профессии. И вот теперь в бригадах Кузьминых и Василия Катякина достигнута полная взаимозаменяемость. Каждый из рабочих может стать бурильщиком, взрывником, слесарем, крепильщиком, каждый имеет навыки в работе с механизмами.

Ценят Лодоева и за качество особенно важное для руководителя: Цыден Эрдынеевич умеет добиваться общего подъема в своей смене. К примеру в одной из бригад не ладится с добычей руды, а в другой, наоборот, не успевают отгрузить ее. Лодоев на ходу перестраивает бригады, подтягивая отстающих, поощряя передовых.

Результаты его умелого руководства определяют успехи смены. В августе смена Лодоева брала обязательство добыть вольфрамовой руды на двенадцать процентов больше, чем по плану, повысить производительность труда и снизить себестоимость тонны руды. Свое слово горняка

сдержали и к 25 августа выполнили повышенные социалистические обязательства.

В партийной организации рудника и комбината Цыдена Эрдынеевича Лодоева знают как принципиального коммуниста, подлинного вожака партийной организации шахты Инкур.

Когда узнаешь подробности трудовой биографии горняка Лодоева, когда познакомишься с делами его бригады, невольно вновь припоминается соратник первооткрывателя бурят-монгольского вольфрама Марии Васильевны Бесовой — джидинский охотник Шампи.

Старый Шампи, клад, открытый тобой и русской женщиной-геологом, — в надежных руках! Шампи, твой единоплеменник, — баргузинский бурят Цыден Эрдынеевич Лодоев, вместе со своими друзьями с орлиных высот Холтосона, сохранит для потомков твое имя. Как эстафету горняки продолжают ваш подвиг во славу и могущество советской страны.

ГЛАВНАЯ ПРОФЕССИЯ

Осень выдалась холодная, с ветрами. Кружась, ложился на землю, прихваченный морозом, желтый березовый лист. По улусу ходили упорные разговоры о ставропольской тонкорунной. В июле с сельскохозяйственной выставки вернулся дедушка Дондок. А ездил он туда не только посмотреть на экспонаты, известные всему миру, но и поинтересоваться, где можно добыть тонкорунных овец.

Приехал он под вечер. Чабаны уже загоняли отары в добротные, недавно построенные самими колхозниками, кошары. Открыв дверцу машины, дед попросил шофера завезти вещи домой, а сам мелкими старческими шагами направился в правление колхоза.

Встретили его тепло, чувствовалось, что ждали с нетерпением..

— Здравствуйте, здравствуйте, дедушка Дондок! Как съездили, что нового? — обратился к нему председатель колхоза Дарижап Чагдурович Цагадаев.

— Съездил я хорошо. А вот что вы здесь делали?.. — нарочито грубо спросил Дарижапа старик.

Председатель растерялся. На что намекает лукавый старик?

— Что же вы это надумали, зачем начали пахать овечий выгон? — распекал председателя дедушка Дондок.

— Успокойся, бабай, успокойся! Это решение мы выносили на обсуждение всего колхоза. И все согласились с ним. Да и сам посуди, выгон находится рядом с улусом, а кругом посеи. Вот и мучаются наши чабаны — усторожи-ка овец. А теперь мы двух зайцев убили — и колхозные посеи расширяем и места лучшие для выпаса отвели. Правда, теперь чабанам реже приходится дома бывать, ну да это ничего. Зато овцам привольнее и сытнее.

— Дедушка! Как там в Москве-то, рассказывай?— В кабинете председателя собрались одноулусники. Расселись, кто на лавках, кто на подоконниках.

— Да что рассказывать. Пойду, однако, домой, переоденусь с дороги, а потом уж милости прошу ко мне в дом.

— Ну, уж нет. Теперь мы вас не отпустим,— заговорили колхозники.— Вот рассказывайте. Что там слышно о тонкорунных-то?.. Где были, с кем о них разговаривали? Самое главное — будут ли они у нас?— пробравшись к старику поближе, проговорила молодая чабанка Мэдэгма Найданова.

— Договорился, договорился, Мэдэгма. Вот вскорости их уже к нам привезут.

— Какие они? Густошерстные?— опять обступили старика молодые чабаны.

— Хватит вам. Сороки!— притворно строго прикрикнул на расхаживавших девушек председатель.— Человек с дороги, устал. А вы прилепились к нему, как репы. Вот отдохнет дедушка Дондок, а потом и расскажет.— Мелкими, лучистыми морщинками осветилось лицо старого чабана.

— Купил я, председатель, купил 300 штук тонкорунных ставропольских. Не овцы, а клад. Теперь посылай скорей, людей за ними. Пусть привозят.

— О, дедушка Дондок. У нас уже и чабанка к ним назначена. Да и люди для перевозки приготовлены. Так что мы все это предусмотрели. Давай нам счета,— будем деньги перечислять...

Прошло четыре месяца. Жизнь шла своим чередом.

Мэдэгма Найданова пасла отару местных овец и с нетерпением ждала ставропольских тонкорунных.

В одну из ночей ноября привезли долгожданных овец. Привезли их на больших машинах. Поместили в приготовленные для них кошары.

— Так вот вы какие, далекие гости!— удивлялись собравшиеся, как по команде, около кошары колхозники.

— Уж больно легкие на вес,— говорили мужики, снимавшие на руках овец с машин.

Мучительно сжималось сердце Мэдэгмы.

Ведь это не обычные овцы!..

Парторг Раднажап Доржиев, как будто угадав ее мысли, успокоил чабанку:

— Не тужи и не расстраивайся, Мэдэгма. Поможем. Верно, они отошали. Путь-то они проделали нелегкий. Слов нет, плохо они выглядят. Так на то мы тебя и назначили к ним чабаном. Выходишь, приучишь к нашему суровому климату. А посмотри-ка шерсть у них какая. Тонкая, длинная, нежная. Не овцы, а мечта.

Потеплело на душе у взволнованной чабанки от дружеских слов парторга.

— Спасибо вам на слове, Раднажап Дашиевич. Я не боюсь. Да вот только смотрите. Эти две не поднимаются на ноги,— указала она на лежащих овец.

— Ну что ж. Будем и этих отхаживать. Зови скорее Гончик Балдановича, пусть несет все свои врачебные препараты.

Сто особенно ослабевших овец пришлось поместить в отдельные отгороженные места. Ни днем, ни ночью не отходила от них, как заботливая мать от детей, Мэдэгма Найданова.

Прошло пять месяцев. Зеленым ковром покрылись Усть-Хапчукские степи. Выравнялись, подобрили ставропольские овцы. Мэдэгма, не сходя

с коня целыми днями, перегоняла их с увала на увал, из распадак в распадак в поисках самых сочных трав. Вставая чуть свет, бежала в овчарню. Напоив своих питомцев, давала сено, силос. Днем они получали овес и зеленку, а вечером после поения — отруби. И так, разнообразя ежедневно кормление, Мэдэгма добилась того, что овцы стали прибавлять в весе, повеселели.

Было время, когда несколько овец окончательно слегли. Взволнованная Мэдэгма ночью прибежала к ветеринарному фельдшеру.

— Гончик Балданович! Помогите. Беда!.. Прихожу я к овцам вечером, начала кормить, смотрю — лежит одна, другая, третья. Пойдем скорее, помогай!

Гончик быстро накинул брезентовый дождевик и в кромешной тьме побежал в овчарню.

— До утра пробыл там ветфельдшер. Оказалось, была у овец депрессия после большого истощения. Мэдэгма не могла спать, потеряла покой. Часами просиживала молодая чабанка в овчарне. Одну овечку угостит солью с рук, другую напоит теплой болтушкой из отрубей. И вот через месяц все овцы поднялись на ноги. Появился у них аппетит, резвость.

Мэдэгма с сияющим лицом пришла в кабинет Дарижапа Чагдуровича.

— Как твои овцы?— обратился председатель к Мэдэгме.

— Теперь хорошо. Все на ногах.

— Молодец, Мэдэгмаша,— похвалил Дарижап Чагдурович, и он посятил чабанку в свои заветные планы:— Овцы, которых ты вывела,— самый дорогой капитал колхоза. Понимаешь, Мэдэгма, мы задумали все поголовье овец заменить тонкорунными.

— Значит, еще привезем?!— и напугалась и обрадовалась чабанка.

— Нет, будем скрещивать ставропольцев с нашими, в своем стаде разводить, поняла?

Все поняла Мэдэгма, и с той поры еще дороже стали для нее тонкорунные переселенцы из степей ставропольщины.

В 1957 году колхоз имени Жданова сдал государству десятки центнеров тонкой и полутонкой шерсти. Одна отара Мэдэгмы Найдановой принесла артельному хозяйству больше дохода, чем тысяча овец местной породы.

Председатель колхоза ласково говорил Мэдэгме:

— Ты у нас теперь вроде научного работника. Паси, приглядывайся, накапливай опыт.—И, улыбаясь неутомимой труженице, Дарижап Чагдурович вспоминал, как семь лет назад привел ее, смущенную, робкую, в правление колхоза отец Радна Дагбаевич. А отец у нее строгий. Работает в колхозе с начала его основания. Привел и говорит:

— Слушай, Дарижап Чагдурович, хочу свою дочку чабаном сделать, нравится ей это дело. А попроситься стесняется. Так что, если есть свободное место, поставь ее. А нашу семью в смысле работы ты знаешь. В грязь лицом не ударим.

Отец не случайно так говорил о своей дочери. Еще в семилетней школе Мэдэгма была лучшей ученицей. Старательная девочка окончила с похвальной грамотой семь классов. И никогда не жалела Мэдэгма, что стала чабанкой. Чабан—главная профессия в их колхозе, а что отраднее может быть для молодой труженицы, чем благодарности колхозников, которым она помогает умножать артельное хозяйство.

ХИРУРГ МАРИЯ МУХАНОВА

Мария Николаевна вышла из больницы озабоченной. Завтра предстоит серьезная операция. Погруженная в размышления, шла она, не замечая встречных. Вдруг ее окликнули: «Мария Николаевна!» Муханова оглянулась. На углу улицы, от группы людей, ожидающих автобус, отделился невысокий старичок и дружески улыбаясь, шел к ней.

— Здравствуй, голубушка! Не узнала, что ли?

— Нет, дедушка, узнала.— ответила Мария Николаевна, вглядываясь в его лицо, узнавая в нем своего недавнего пациента Титова. Она искренне обрадовалась его здоровому бодрому виду, веселому блеску добрых темно-серых глаз.

— Ну, как здоровье, дедушка?

— Здоров, Мария Николаевна. Спасибо тебе. Я ведь теперь по хозяйству все могу делать, даром что семь десятков скоро стукнет.

Титов охотно рассказывал о своем житье-бытье, делился городскими впечатлениями (он приехал в город на несколько дней), спрашивал ее о работе в больнице. Эта встреча освежила Муханову, и она подходила к дому в радостно-приподнятом настроении. Усталость как рукой сняло. В памяти быстро возникали детали и подробности той операции, волнения, связанные с нею.

...Беспокойная ночь, полная тревожных дум, сомнений и надежд, близилась к концу. За окнами забрезжил неяркий осенний рассвет. Мария Николаевна еще и еще раз возвращалась мыслью к несостоявшейся вчера операции. С того дня, как поступил в ее палату этот шупленький старичок с добрыми темно-серыми глазами, Марию Николаевну не покидало неприятное ощущение двойственности. Чувство огромной ответственности за человеческую жизнь, желание активно вмешаться, помочь больному избавиться от тяжелого недуга боролись в ней с сомнениями — выдержит ли старик операцию, на которую долго не соглашался. Ведь старость наложила свой неотвратимый отпечаток на сердце и легкие. Сердце могло не выдержать, и оно, действительно, не выдержало. Вчера в самом начале, во время анестезии, у больного наступила острая сердечная слабость, пришлось операцию остановить. Может быть отложить ее совсем? Но болезнь требовала обязательного и немедленного хирургического вмешательства. Об этом говорили и данные анализа, и рентгено снимок, и заключение врача-терапевта. И, наконец, все ухудшающееся самочувствие больного.

День врача предельно загружен: приемы в поликлинике, операции в больнице, обходы, дежурства. Среди пациентов немало тяжело больных, требующих много внимания и тщательного ухода. Живя всеми этими заботами, Мария Николаевна постоянно думала о Титове, до мелочей обдумывала предстоящую операцию. А что если выбрать другой метод обезболивания? Правда, тогда намного усложнится работа хирурга, но зато больному будет легче. Так она и решила. В день операции Му-

ханова сильно волновалась, но все прошло как нельзя лучше. Титов до сих пор и не узнал, какую страшную болезнь угрожавшую смертельным исходом, удалил тогда вместе с одной из его почек нож хирурга. И сегодня, встретив его здорового и жизнерадостного, она пережила чувство глубокого удовлетворения своей профессией. Значит, не ошиблась она в выборе специальности, значит не даром ее учили в институте.

Мечта стать врачом зародилась еще в школьные годы, когда изредка попадая в больничную обстановку, Мама Муханова с благоговением смотрела на людей в строгих белых халатах. Они ей казались всемогущими, обладающими таинственной силой.

После десятилетки Мария поступила в Красноярский медицинский институт. Незаметно прошли годы студенчества. И вот в 1948 году молодой врач Мария Муханова приезжает в Улан-Удэ. Здесь она проходит специализацию по хирургии под руководством ведущего хирурга республики Э. Р. Раднаева. Ее направили в хирургическое отделение республиканской больницы.

Работа целиком захватила молодого врача. Она могла часами не выходить из операционной, оперировать, позабыв об усталости. Постепенно накапливался опыт, тверже и увереннее становилась рука. Ассистируя при особо тяжелых случаях Э. Р. Раднаеву, наблюдая совершенную технику опытного хирурга, учась у него, Мария Николаевна сама постоянно ищет и находит наиболее эффективные пути помощи больным. Удачная операция — это еще не все, это полдела, — все более убеждалась Муханова. — Главное — выходить больного после операции, помочь организму окрепнуть и победить болезнь. — Дружный коллектив больницы умел создавать такие условия и вместе с врачами боролся за жизнь и здоровье каждого пациента.

Человек творческого отношения к делу, Муханова много читает, следит за новейшими открытиями в медицинском мире, мечтает учиться дальше. В 1952 г. она едет в Москву, в Центральный институт усовершенствования врачей, где специализируется по урологии под руководством виднейшего уролога страны, профессора А. П. Фрумкина.

Немало людей за эти годы обязаны Марии Николаевне не только своим здоровьем, но и часто жизнью. Выздоровев, они выписывались, унося с собой благодарную память об искусных руках и большом сердце талантливого врача. Да, именно о большом сердце. Это неслучайная фраза. Часто исход болезни решают не только сила науки и искусство врача, но и его человеческие качества. Люди черствые, эгоистичные, бедные душой не могут творить чудеса исцеления, не способны на тот подвижнический труд, которым занимаются ежедневно наши советские врачи.

Мария Николаевна Муханова гармонично сочетает в себе незаурядные данные хирурга, отличное знание своего дела с прекрасными качествами душевного и сердечного человека. Великолепная выдержка и такт врача, женственная мягкость и доброта располагают к ней больных, на которых упокаивающе действует одно присутствие этой внимательной, чуткой женщины, со смуглым миловидным лицом.

В одной из палат хирургического отделения городской больницы выздоравливает сейчас пятилетний Юра Китаевич. Он уже хорошо себя чувствует, разговаривает, с аппетитом ест, но полежать ему еще, очевидно, придется. А ведь мальчика принесли в бессознательном состоянии, бьющегося в судорогах. Испуганные родители путанно объясняли, что Юра упал с мостика и ударился головой о камень. Внешне никаких повреждений не было, кожа на кудрявой белокурой головке ребенка была цела, но тяжелое его состояние заставило думать врача о том, что произошел перелом костей черепа. Рентген подтвердил это предположе-

ние. Мария Николаевна немедленно произвела мальчику трепанацию черепа. Своевременно и удачно сделанная операция спасла жизнь ребенку. Рассказывает об этом Мария Николаевна просто и буднично, как о повседневном, привычном труде, но в глазах ее светится материнская нежность, когда она говорит о том, что Юра с каждым днем чувствует себя лучше.

Ей тридцать два года, она взращена и воспитана советским строем, советским народом. Блестяще начав свой путь на благодарном и трудном поприще. Муханова еще многое может сделать, много принести пользы людям. Трудящиеся Улан-Удэ выразили свое уважение и признательность хорошему врачу, избрав Муханову депутатом городского Совета. Напряженный труд в больнице и общественная работа не мешают Марии Николаевне быть нежной матерью, воспитывать двоих детей.

Творческое беспокойство, жажда к знаниям, постоянное стремление совершенствоваться мастерство врача-хирурга не дают Марии Николаевне останавливаться на достигнутом, заставляют ее думать о дальнейшей учебе. В этом году она едет в ординатуру при I Московском медицинском институте, чтобы углубить свои знания и практически овладеть техникой операции такой тяжелой болезни, как туберкулез почек.

Путь Мухановой — это путь сотен тысяч простых советских людей, перед которыми завоевания Октября открыли широкую дорогу к полноценной человеческой жизни.

НА ПУАНТАХ...

Прогнувшись Лариса соединяет пятки с хрупкими пальцами рук. Над этим живым мостиком стоит хмурый, невысокого роста коренастый мужчина — это дядя Мархаев.

— Хорошо!— говорит он.— А теперь, Лариса, сделай «шпагат».

Девочка медленно опускает туловище вниз, выбросив одну ногу за спину, другую вперед.

— Отлично,— скупко роняет учитель.— Встань на пуанты и сделай несколько пируэтов... Я буду считать... Раз, два, три... Пятнадцать! Хватит. Устала?— участливо спрашивает он, прижимая к груди восьмилетнюю племянницу.

— Не очень,— прерывисто дыша, тихо отвечает девочка.

— Хочешь быть балериной?— спрашивает дядя Мархаев.

— Хочу...

Учитель смотрит в жгучие черные глазки племянницы и видит в них не детское упрямство. Глаза говорят: я стану балериной!

— Это тяжелый труд, девочка... Всю жизнь у станка.

— Ничего, я буду стараться... Я очень хочу в балетную школу, дядя.

— Попробуем, Лара, попробуем., Только худышка ты. Выдержишь ли?..

— Выдержу, дядя, честное слово выдержу.

Мархаев засмеялся и, нежно поцеловав племянницу, вышел.

На всю жизнь запомнила Лариса тот день, когда она пришла с дядей в хореографическую школу Государственного Московского Большого Академического театра. Девочка не чувствовала под собою ног, она без умолку болтала, смеялась и маленькое сердце ее порхало на крыльях надежд.

Это был 1936 год. В хореографическое училище ГАБТ полано около трехсот заявлений. И вот она перед строгими учителями — мастерами хореографического искусства.

Девочка выстукивает ритмические «аккорды», вслед за экзаменатором повторяет сложные музыкальные фразы, показывает гибкость своего тела. Из трехсот экзаменующихся только пятнадцати счастливым удалось попасть в хореографическое училище Большого театра. В их числе — Лариса Сахьянова. Мечта девочки стала сбываться.

Начались годы учебы. На уроках Лариса жадно изучает основы хореографического искусства. Очень рано юная танцовщица поняла, что учиться нужно не только в классе, не только за станком, а изучая творчество мастеров и танцевальное искусство народа. Вот почему каждый раз после репетиций, или отработав свою партию в спектакле, Лариса, превозмогая слабость, из-за кулис следит за танцами своего кумира — Семеновой.

Трудиться, трудиться и еще раз трудиться.— вот путь к совершенству. Это Лариса усвоила твердо. В ежедневных упражнениях, в упорном труде, в постоянном изучении образцов искусства хореографии, в житейских заботах с любимой матерью Марией Михайловной Сахьяновой промчались годы.

И вот у Ларисы диплом об окончании хореографического училища ГАБТ. Ей семнадцать лет. Открывается широкая дорога к самостоятельному творческому пути на профессиональной сцене. Ларису влекут милые степи Бурят-Монголии, известные ей только по рассказам матери. И хотя она не помнит родного села Кырена, она чувствует аромат лесов вокруг него, слышит шум водопадов Кынгырги. Девушка страстно хочет показать своему народу все, чему научила ее русские люди.

Лариса Сахьянова приезжает работать в Бурят-Монгольский орден Ленина театр оперы и балета. Все здесь ново, непривычно. Девушка немного робеет, однако и в кордебалете замечает ее пластичность, сценическую обаятельность. Балетмейстер Арсеньев дает Ларису Сахьяновой первую самостоятельную роль в балете «Корсар». Юная балерина дебютирует в партии Гюльнар. Девушка с трепетом и надеждой выходит на сцену...

К двадцатипятилетию республики Сахьянова готовит уже роль Одетты—Одиллии в балете «Лебединое озеро». Она отлично сознает, что это— экзамен на определение ее профессионального мастерства. Приподнятое настроение балерины омрачает балетмейстер Есаулова, предупредившее, что в случае не выйдете—будет танцевать другая. Грустная вышла Лариса на сцену. Первые движения скованы, неритмичны. Но вот гармония музыки Чайковского уносит ее в поэтически сказочный мир «Лебединого озера». Зрители увидели то, что Станиславский считал самым драгоценным для артиста—повторное чувство—чувство слитности танцовщицы со зрителем. Появление Одетты, ее встреча с принцем Зигфридом, любовь и смерть девушки-лебедя были проникнуты теми тонкими музыкальными нюансами, из которых рождается песня любви, трагедия человеческого сердца. Стремление к новым формам танца с самого начала определило яркую индивидуальность балерины Сахьяновой. Но она этого не замечала. Ей казалось, что еще не найдены верные средства, беден язык жестов и мимики, не хватает красок. Нужно искать правду, голько правду жизни. То, что свойственно русской литературе и живописи — может и должно быть свойственно и русскому танцу, русскому

балету. Только в совершенстве овладев техникой танца, выразительностью форм, средствами передачи можно считать себя удовлетворенной искусством, которое несет подлинно эстетическое, возвышенное чувство красоты и благородства. Это стало девизом творчества молодой балерины Бурят-Монгольского театра оперы и балета.

Всемирный фестиваль принес Сахьяновой и ее партнеру Ц. Бадмаеву заслуженный успех. Они удачно проходят два тура фестиваля. И вот радостное путешествие в Берлин — в демократическую Германию.

Изучая мастерство Павловой, Улановой, Семеновой, Лепешинской, Лариса Сахьянова всегда вспоминает слова Станиславского о том, что недостатки некоторых театров и неудачи многих людей (имеются в виду люди искусства), состоят в том, что многие не знают по-настоящему, что нужно и что не нужно сцене. Произвести в себе «естественный отбор», вплечь в себя самое совершенное, что создано русским балетом и учиться у мастеров хореографии, вот с какими мыслями поехала Сахьянова в Берлин. И танец «Баир» композитора Рязова на сцене Берлинского театра был исполнен с учетом самых высоких требований к своему мастерству, с тем одухотворенным чувством, которое рождает истинно художественный образ, завершается признанием взыскательной публики.

Отмечая большие заслуги Сахьяновой и Бадмаева в развитии хореографического искусства республики, Президиум Верховного Совета Бурят-Монголии присвоил им звание заслуженных артистов БМАССР. Признание народа окрылило молодую актрису. С еще большим упорством принялась она за нелегкий труд. Одна за одной проходят роли: Гюльнар из балета «Корсар», Сванилида в «Каппелини», Лауренсия в балете «Лауренсия», Актриса в «Штраускане», в «Шурале» — Сюимбико, девушка-птица, олицетворяющая свободу и побеждающая темные силы зла и лицемерия. Сахьянова танцует партию Марии в «Бахчисарайском фонтане», ее танец — радость вечно живой любви, чистоты и нежности. И как выразитель, грустно трогателен и вместе с тем мужествен танец в замке злого Гирея, как тонко рисует она ненависть пленницы к поработителю. Безответно-покорны ее движения, но в каждом мускуле, в холодном взгляде, в маске ледяной скорби об убитом Вацлаве скрывается тот эмоциональный подтекст, сила которого равна воздействию слова. Затем «Жизель», где Сахьянова вскрывает трагедию неудачной любви простой крестьянской девушки. Влюбленная в Альберта. Жизель видит, как ее любимый целует руки другой, знакомой ей девушки, Батильды. Она узнает, что они обручены. Трепетный взмах рук, тревожно настороженное лицо. Жизель ждет ответа от Альберта. Виногато опущенные глаза подтверждают жестокую правду. Обманутое сердце девушки полно отчаяния, тоски. Она кружится по сцене, то вздымая руки в мольбе, то бесильно опуская, никнет смертельно раненная, убитая горем. Она еще ищет спасение у матери, падает к ее ногам и встает уже лишенная рас-судка...

Лариса Сахьянова — артистка тонкого вкуса, отличный и требовательный ценитель труда либреттиста и композитора. С этих позиций следует оценить ее отношение к балету Рязова по мотивам «Свет над долиной» Балзано. Драматургия, музыка и танцы этого нового балета, несмотря на ряд достоинств, нуждаются в углубленной творческой доработке.

Отличная техника балерины, ее темперамент, исполнительское мастерство синкалги Сахьяновой заслуженный успех и любовь зрителей. Образы, созданные ею, то мужественные, то лирически-взволнованные, то светлые, радостные, романтические и трагедийные, полны жизненной правды, здорового светлого оптимизма. И каждый танец ее, будь то эстрадный, или в балетном произведении — это танец своеобразный, свойственный только Сахьяновой. Создавая образ, она исходит не толь-